

Эффект



МОТЫЛЬКА

Когда меня не стало
Крылья страха
Выхожу тебя искать
Волчья ягода
Мне давно хотелось убить
Саван для блудниц
Черное платье на десерт
Девушка по вызову
Рукопись, написанная кровью
Парик для дамы пик
Пикник на красной траве
Шоколадный паук
Роспись по телу
Этюд в розовых тонах
Последняя защита адвоката,
или Плюшевый свидетель
Услуги особого рода
Яд Фаберже
Комната смеха
Мальтийский апельсин
Виртуальный муж
Японская молитва
Цветы абсолютного зла
Страна кривого зазеркалья
Платиновая леди
Танцующая на волнах
Свергнутая с небес
Гламурная невинность
Древний инстинкт
Женщина-ветер
Нирвана с привкусом яда
Правда о первой ночи
Дама из Амстердама
Игры с темным прошлым

Властелин на час
Белоснежный лайнер в другую
жизнь
Бронзовое облако
Самый близкий демон
Первая жена Иуды
Delete
Хроники Розмари
Солнце в ночном небе
Ледяное ложе для брачной
ночи
Подарок от злого сердца
День без любви
Печальная принцесса
Призрак Монро
Персиковый мед Матильды
Изддержки богемной жизни
Вспомни обо мне
Красное на голубом
Сердце химеры
Госпожа Кофе
Дождь тигровых орхидей
Миф Кoko Банча
Одинокие ночи вдвоем
Алый шар луны
Черника на снегу
Девять жизней Греты
Смерть отключает телефон
Шестой грех
Меня зовут Джейн
Звезды-свидетели
Витамин любви
Две линии судьбы
Когда остановится сердце
Призраки знают все

Издержки богемной жизни
Вспомни обо мне
Красное на голубом
Сердце химеры
Госпожа Кофе
Дождь тигровых орхидей
Миф Коко Банча
Одинокие ночи вдвоем
Алый шар луны
Черника на снегу
Девять жизней Греты
Смерть отключает телефон
Шестой грех
Меня зовут Джейн
Звезды-свидетели
Витамин любви
Две линии судьбы
Когда остановится сердце
Призраки знают все
Аромат желания
За спиной – двери в ад
Тайная любовь Копперфильда
Любовница не по карману
Красивая, богатая, мертвая...
Пожиратели таланта
Черный пасодобль
Серебряная пуля в сердце
Незнакомка до востребования
Ангел в яблоневом саду
Из жизни жен и любовниц
Тринадцатая гостья
Прекрасный возраст, чтобы умереть
Приговоренный к жизни
Признания грешницы
Дом на берегу ночи
Ведьма с зелеными глазами
Пленница чужих иллюзий
Девушка, не умеющая ненавидеть
Цветок предательства
Мишень для темного ангела
Грех и немножко нежно
Если можешь – прости
Убийство в соль минор
Уставшая от любви
Плата за роль Джульетты
Одно преступное одиночество
Слезинка в янтаре
Проклятие Клеопатры
Сколько живут донжуаны
Любовь насмерть
Миллион для Коломбины
Неаполитанская кошка
Стану рыжей и мертвой, как ты
Два лица Пьеро
Париж на час
Умри, богема!
Черная перепелка
Прости меня, твою убийцу
Звериный профиль
Тайна церковной мыши
Тени в холодных ивах
Комната для трех девушек
По дороге в синий лес
Земляничное убийство

АННА
ДАНИЛОВА



ЗЕМЛЯНИЧНОЕ УБИЙСТВО



МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д18

Редактор серии *А. Самофалова*

Дизайн переплета *Д.Сазонова*

Данилова, Анна Васильевна.
Д18 Земляничное убийство : [роман] / Анна Данилова. —
Москва : Эксмо, 2022. — 320 с. — (Эффект мотылька. Де-
тективы Анны Даниловой).

ISBN 978-5-04-172034-6

Калина всегда была тихим уютным городком, и вдруг там стало происходить что-то невообразимое. Одна за другой от отравления редким ядом погибают самые разные женщины, рядом с телами которых находят коллекционных куколок-эльфов. Куклы — украденные работы местных рукодельниц, в закрытом клубе которых тоже случилась потеря: убита одна из самых опытных мастериц. Следователь Петров никак не может распутать это странное дело, но ему на помощь приходит Женя Бронникова...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-172034-6

© Текст, А. Дубчак, 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

1. 15 июня 2002 г.

Какое теплое и солнечное выдалось утро! Птицы в соседней рощице радостно пели-заливались. Небо над головой было прозрачным, без единого облачка, и, глядя в него, Наташе казалось, что ее взгляд пронзает эту бездонную, бесконечную глубину и касается нерва мироздания. Ведь мир устроен сложно, и никому не известно, кто придумал эту землю и заселил ее людьми и животными, посеял первые растения, запустил рыб в океаны. Она часто задумывалась над тем, есть ли Бог, он ли создатель всего живого. Не особо утруждая себя чтением книг или интернетных статей на эту тему, она, однако, время от времени смотрела на ютубе научно-популярные фильмы, но каждый раз разочаровывалась, не находя ответов на интересующие ее вопросы. Так кто же сотворил ее, Наташку, с ее красивым телом и куриными мозгами? Будь она некрасива, вряд ли влипла бы в эту скверную историю, а будь умна — не прозябала бы в магазине за прилавком, может, выучилась бы да и стала бухгалтером или юристом.

Она лежала на все еще прохладной траве и старалась дышать ровно, словно только таким образом

могла успокоить бешено колотящееся сердце. Солнце рассеивало свои бледные лучи по небу, а потому еще не слепило глаза. Зажав в ладони теплый земляничный букет, Наташа ловила губами шершавые сладкие ягоды, но вкуса их почему-то не чувствовала. А вот аромат их уловила.

Она лежала посреди земляничной поляны и понимала, что у нее нет сил подняться и вернуться в палату.

То, что она только что сотворила, было спланировано заранее. Она еще неделю тому назад приходила сюда, облюбовала место под молодыми березками, куда и положила завернутую в старую куртку саперную лопату. Там же спрятала пакет со всем необходимым. Бутылка воды, тряпки, анальгин, калоши. Ну и наволочка. Новая, в ромашках. Правда, потом, вернувшись домой, подумала, что снова, в очередной раз, совершила глупость. Зачем отнесла лопату, когда можно было прямо тогда же и вырыть ямку? Быть может, она не сделала этого потому, что не могла пока еще представить себе, что на самом деле решится на такое. Да и размера маленькой могилы не знала.

Она собиралась на следующий день снова отправиться к березкам и даже приготовила ведро для земляники (почему бы не совместить приятное с полезным?), но у нее начались схватки...

Роды прошли «как по книжке». Так сказала ей акушерка Арина, заглянув на следующее утро в палату и сообщив, что сейчас принесут ее дочку, чтобы молодая мамочка ее покормила. Да, может, и по книжному, да только у нее все болело. Словно тело ее

разорвалось, а потом его зашили, и теперь она готова была кричать от боли. И боль не утихала. Словно нарастала с каждой минутой, приближающей ее к моменту, когда она должна была покинуть палату.

План был сложный. Ей предстояло в пять утра забрать ребенка из «детской», потом вместе с ним, точнее, с ней выбраться через окно (открытое ею с вечера) в конце коридора на улицу и быстрым шагом пройти до парка, а там уже было рукой подать до березовой рощи, за которой и начинались эти земляничные поля. Главное, чтобы ребенок не заплакал. Иначе та медсестра, что дежурит, услышит плач и остановит Наташу, план сорвется, и она просто скажет, что видела дурной сон, будто ребенка украли, проснулась и решила проверить, на месте ли дочка... Глупая отмазка. Как глупо вообще все, что произошло с Наташей за эти последние месяцы. Надо было сразу избавиться от ребенка. На что надеялась? Что командировочный москвич, с которым она познакомилась в баре «Калиновка» и провела ночь в гостинице с таким же названием, на самом деле вернется за ней и заберет ее с ребенком?

...Теперь все было позади. Самое страшное, что ей предстояло, она сделала. И теперь ей казалось, что ее пальцы пахнут детской кожей. Вот поэтому она уже в который раз растирала между ладонями землянику. И старалась не смотреть на них, потому что знала — они красные, в земляничном соке, а ей все равно покажется, что это кровь. Кровь ее дочери. Ее первого и единственного ребенка, к которому она ровным счетом ничего не почувствовала, когда он родился.

Но надо было возвращаться обратно в роддом. Хотя сил не было. Она и не помнила, как шла обратной дорогой, как миновала пышный парковый розарий, как плелась по пустынным в этот ранний час дорожкам, как забиралась, перекидывая отяжелевшие и словно чужие ноги в грязных тапках, на подоконник коридорного окна, как ложилась на твердую кровать. Главное, что все ее соседки по палате крепко спали. Но так это или нет, она никогда и не узнает...

2. 12 мая 2022 г.

— Боюсь спросить, и кто же теперь убирает весь этот огромный и прекрасный дом? — поинтересовалась Антонина, впервые после долгого перерыва появившись в доме братьев Бронниковых, где еще совсем недавно ее близкая подруга Женечка трудилась в качестве домработницы. А теперь вот (кто бы мог подумать?!) вышла замуж за одного из братьев, известного московского адвоката Бориса Бронникова.

Конечно, переступая порог этого дома впервые после свадьбы подруги и не имея возможности встретиться с ней в течение нескольких месяцев (почти полгода пришлось прожить в Самаре, ухаживая за больной мамой, которую она и схоронила), Антонина надеялась увидеть по меньшей мере блики счастья на лице Жени. Но та выглядела как всегда. И Тоня не удивилась бы, увидев в ее руках пылесос или швабру. Больше того, она была практически готова услышать очередную историю подруги о том, как ее обижают в этом доме, как оскорбляют, и виновником всех ее

бед был бы, конечно же, Борис Бронников, шикарный мужчина, крутой адвокат и одновременно грубиян, каких свет не видывал. И вот теперь она замужем за ним и даже взяла его фамилию, что было вообще на нее не похоже! Гордая и самостоятельная Женька стала зависима от этого Бронникова. Влюбилась в него, что уже само по себе опасно. Любовь вообще опасная штука. Попытки Тони поговорить с Женей по душам по телефону, находясь в Самаре, всегда заканчивались одинаково: новобрачная в свой медовый месяц никого, похоже, не хотела ни видеть, ни слышать и вежливо сворачивала разговор. Позже ограничивалась какими-то дежурными фразами, типа «все нормально, потом поговорим». Тоня не обижалась, напротив, она переживала за подругу, и каждый раз после такого короткого разговора ей казалось, что Жене плохо. Конечно, разговаривали они и по видеосвязи, и Женя выглядела хорошо, во всяком случае синяков на ее лице не наблюдалось, чего так боялась Тоня. Но все равно она изменилась и казалась какой-то неуверенной в себе, встревоженной. Вот и сейчас, когда Тоня вернулась из Самары домой, к себе в Подольск, где в нескольких километрах от нее в пригороде и проживала Женя, когда они встретились и обнялись, ей показалось, что подруга того и гляди заплачет.

— Тоня, вот скажи, тебя действительно это интересует? Кто убирается здесь? Ты серьезно? — Женя горько усмехнулась. — Да я и убираюсь. Но когда надо помыть окна или еще что-нибудь, приглашаю одну

женщину из поселка, ее зовут Галина Петровна, она и помогает. И в саду работает. Так что, как видишь, я не особо утруждаю себя.

Тоня была уверена, что они с Женей, как это было раньше, уединятся в ее маленькой комнатке или на кухне, и была приятно удивлена, когда подруга накрыла стол в гостиной. Красивая, в маках, скатерть, дорогой фарфор, ваза с невероятными розовыми пионами. В распахнутое окно, играя прозрачными занавесками, врывается теплый июньский воздух. И тишина. Словно в доме никого нет.

Тоня сжала ладонями Женины руки и посмотрела ей в глаза:

— Ты мне скажи честно: ты счастлива?

Женя отвернулась. Потом пожала плечами.

— Женя, пожалуйста, будь со мной честной. Он обижает тебя? Ты вон какая бледная. Бьет? — Тут Тоня помрачнела и сдвинула брови.

— Да никто меня не бьет, — отмахнулась от нее Женя. — Успокойся. Все нормально.

— Ну и ладно. Не хочешь рассказывать — не надо, — обиделась Тоня.

— Говорю же, все хорошо. Даже слишком.

— Он сейчас дома? — с опозданием спохватившись, спросила Антонина.

— Никого нет дома. Все уехали по делам. Только Галина Петровна в саду занимается цветами. Нам с ней просто повезло! Ты мне лучше расскажи о себе. Еще раз, Тоня: соболезную тебе. Даже не представляю, как тебе было тяжело. Так долго

была там. Рядом... А как же твой муж, Серега, здесь с детьми?

— Да все нормально. Справился. А я тем временем побывала словно в другом измерении. Увидела смерть. Это страшно. Но зато я не отдала маму в хоспис, до последней минуты была рядом с ней.

— Какая ты молодец! Между прочим, я могла бы приехать и помочь тебе с похоронами.

— Ты и без того помогла, деньги прислала, хоть я и не просила, мы справились бы сами.

— Тонечка, ты угошайся. Пирог с вишнями, сама испекла, между прочим. С третьей попытки получилось. И даже низ пирога пропекся! Твой любимый чай с соусепом заварила. Галина Петровна угостила вареньем из лесной земляники...

— Вот! — вдруг воскликнула Тоня, вскидывая указательный палец. — Вспомнила, с чем ехала к тебе. Хотела посоветоваться.

— Чаю выпей, потом расскажешь, — улыбнулась Женья.

— Чай никуда не денется... Значит, так. У меня есть старшая сестра, Аня. Я тебе рассказывала про нее. Она сто лет тому назад развелась со своим Сашкой, долгое время жила одна, воспитывая Леночку, дочку, а недавно встретила мужчину, хорошего человека, влюбилась, и вот теперь он повез ее в Сочи знакомиться с матерью. Он там живет, у него свой дом, сад, ну и все такое. Словом, моя сестра теперь, возможно, переедет туда. А вот Лена не хочет никуда перебираться. Если ты помнишь, они живут на Волге, в маленьком таком провинциальном город-

ке Калина. Очень живописное, я скажу тебе, место. Просто рай!

— Хочешь туда поехать?

— Как ты догадалась? Да! Лена позвонила и попросила приехать. Сказала, что соскучилась по мне, призналась, что после того, как мать закружилась в своей новой жизни, ей как-то одиноко стало. Может, она обижается на Аню, что та мало времени ей уделяет. Короче, зовет меня, просто умоляет приехать к ней, погостить. Заманивает как раз вот земляникой. Я почему и вспомнила, глядя на твое варенье. Там сейчас сезон, земляники просто море! Но дело-то, конечно, не в землянике. Я бы хотела поехать туда, чтобы немного прочистить мозги Ленке. Эгоистка! Не понимает, что мать всю жизнь одна, что и ей тоже положена порция женского счастья. Хочу поговорить с Ленкой по душам, по-женски, чтобы она отпустила мать. Ленка взрослая уже, в десятом классе учится. Ей семнадцать! Она воспитанная такая, хозяйственная, все знает и умеет. Она справится. А я буду ей помогать, приезжать. Да мы вообще всегда на связи! Потом, глядишь, в институт поступит в Москве, мы с Сергеем поможем найти квартиру, у меня есть кое-что на примете, одна моя знакомая в Турцию переехала, боится квартиру чужим сдавать, словом, там все перспективно. Да и связи кое-какие имеются. Короче, Ленка здесь не пропадет. И матери не будет мешать на первых порах. Ну а потом, глядишь, и сама попросится в Сочи, в этот рай. Как ты думаешь?

— Да отличный план! В чем подвох-то? Зачем советовать, когда и так все ясно?

— Снова Сергея оставлять с детьми?

— А... вон ты о чем. А ему не приходило в голову, что ты за эти месяцы устала?

— Приходило. Он даже хотел меня в санаторий отправить.

— Тогда тем более — поезжай в свою «калину-малину». Сменишь обстановку, наешься земляники, варенья наваришь, потом меня угостишь.

— Ты серьезно?

— В смысле?

— Мне показалось, что и ты... Ладно, проехали...

— Не проехали, Тонь. Возьми меня с собой. Так что-то земляники захотелось!

— Женя!

— Мне тоже надо сменить обстановку. Я тоже устала.

— От чего? — Тысячи вопросов готовы были прорваться наружу, Тоня едва себя сдерживала. Но вовремя остановилась.

— От чего, от чего... Да как-то все неестественно у нас, понимаешь? Ты вот спрашиваешь, не бьет ли он меня. Тоня, — Женя перешла на шепот, — он с меня пылинки сдувает. На руках носит. Понимаешь, да? На меня навалилось такое облако счастья, что я просто не выдерживаю. Он идеален. От того Бориса, который терроризировал меня, ничего не осталось. Он так меня любит, как если бы у него от этой самой любви крышу снесло... Он сильно изменился. Исполняет все мои желания, целует мне даже, стыдно признаться, пальцы на... Ох...

И тут она густо покраснела.

Тоня сидела, пораженная. Зато она успокоилась. Слава богу — любит!

— Так что тебя так напрягает?

— Временами мне кажется, что я мешаю ему жить. Он сейчас ведет сразу два дела. Оба сложнее. Он мне теперь все рассказывает, если только видит, что мне интересно. Так вот, ему надо много работать, а ему кажется, что я обижаю на него за это, вернее, за то, что он постоянно сидит в своем кабинете. А мне как раз и хорошо, что он занят, что я могу почитать, погулять, съездить в Москву по магазинам. Мне, конечно же, не хватало тебя, Тоня. Так хотелось поехать с тобой куда-нибудь в красивое место, выпить кофе, поесть пирожных... У тебя там горе, а я живу как в раю. Потому и не могла особенно-то рассказывать тебе про свою жизнь. Ты боялась, что меня здесь обижают и бьют, а мне подарили кольца с бриллиантами, шубы, новую машину! Он балует меня страшно! Но я-то ему ничего не могу дать. Нет, конечно, я тоже его люблю, но не могу постоянно признаваться в своих чувствах... Короче, я утонула в любви. Я хочу выбраться из этого сладкого сиропа и глотнуть нормального свежего воздуха. Сменить обстановку, короче. Вот. И если бы ты согласилась взять меня с собой в путешествие на Волгу, я была бы просто счастлива.

— Невероятно! Господи, Женя, как же я за тебя рада! Так... Постой. А Борис-то тебя отпустит?

— В смысле? Он мне кто? Хозяин, что ли? Мы с ним договаривались еще на берегу, что я человек сво-

бодный и могу перемещаться в пространстве, куда мне захочется.

— К счастью, Калина — на Волге, это далеко от Украины... — Тут лицо Тони помрачнело. — Знаешь, вот так живешь и не предполагаешь, что нас ждет...

— Успокойся, Тоня. Все будет нормально. Главное сейчас — побольше молчать и молиться за наших. Вот так. Что же касается Бориса, то он, я думаю, тоже отдохнет от меня. Бессознательно отдохнет. Я хочу сказать, что он почувствует себя свободнее и с головой уйдет в работу. И перестанет испытывать чувство вины передо мной за то, что много работает... Как видишь, у нас все как-то сложновато.

— Да у вас все просто потрясающе! Женя, если ты поедешь со мной, это будет праздник! Ты даже представить себе не можешь, как там красиво! У Ани хороший дом, сад, цветы! Ленка как обрадуется!

— Когда едем? — Вот только теперь щеки Жени порозовели, а глаза счастливо заблестели.

— Да хоть завтра! Я со своим Сергеем поговорю, сегодня куплю что-нибудь в дорогу, подарки там... Завтра утром, если ты не против, и отправимся!

— Но только чур на моей машине, уговор? У меня теперь шикарный черный «Мерседес»! Волшебная машина. Зверь!

— Поздравляю... Класс! Женька, как же я рада за тебя!

— А я так благодарна тебе, что ты увезешь меня отсюда! Из этого рая! — рассмеялась своим прежним заливистым смехом Женя.

3. 13 июня 2021 г.

Владимир Иванович Соколовский, распрощавшись с юбиляром, своим сослуживцем, веселым и добрым Виктором Евгеньевичем Мироновым, расцеловав его в розовые, пахнущие сладким одеколоном щеки, вышел из шумного, заполненного громкой музыкой и смехом ресторана на свежий воздух и понял, что не хочет идти домой. Там его ждала приболевшая гриппом жена. Сын-подросток гостил у тещи. Находясь в благостном настроении, пьяненький и расслабленный, Владимир Иванович, вдруг представив себе, что его ждет дома, даже поморщился. Скукота, сонная больная жена с лающим кашлем, бесконечно сморкающаяся в бумажное полотенце, приглушенный звук телевизора и какая-то безысходность. А еще взгляд супруги — она всегда словно укоряет его за что-то. Либо за то, что он изменяет ей (хотя она точно не в курсе), либо за то, что он, в отличие от нее, здоров, либо за то, что у него веселый и легкий нрав, а у нее вместо крови по жилам текут грусть и тоска.

Верочка — вот кто ему сейчас нужен, чтобы разделить с ним его хорошее настроение или даже приумножить его. Вот она просто создана для мужчины. Веселая, легкая, с чудесной белозубой улыбкой, ценящая его чувство юмора, всегда готовая к любовным играм и просто красавица. А что еще ему, мужику, нужно? Да ничего! Конечно, было бы куда приятнее, если бы она дарила свою любовь и ласку лишь ему одному, да только как бы это устроить? Предложить ей содержание? Продолжать ли оплачивать ей эту

квартирку, что она снимает в центре Калины, или же купить ей отдельное жилье? Но где гарантия, что, став обладательницей собственной квартиры, она не продолжит свое дело, не прекратит там принимать своих клиентов? А их у нее полгорода.

Владимир Иванович старался не думать об этом. Встречаясь с Верочкой, он представлял себе, что он у нее один и что эта маленькая, красивая и хрупкая женщина принадлежит только ему. Ему нравилось все: и мягкие каштановые локоны, обрамляющие ее бледное напудренное лицо с розовыми румянами на скулах, и аккуратные черные стрелки на веках, и длинные густые ресницы, и маленькая грудь, и мягкие гладкие бедра, и звучный голосок, и аромат зеленых яблок (так пахли ее духи), и широкая кровать с теплым одеялом, под которым он любил отоспаться после объятий, и мягкий ковер под ногами, и даже тяжелая металлическая дверь квартиры, за которой рядом с Верочкой он чувствовал себя защищенным от той реальности, в которой он чередовал скучную работу с унылой семейной жизнью.

Конечно, он мог бы попробовать что-то изменить в их отношениях, поговорить с ней серьезно, предложить многое из того, чего пока еще не дали другие ее мужчины с тех пор, как она обосновалась здесь, в Калине, но что-то его сдерживало. Возможно, те слухи, что распространялись по маленькому городку, в котором они проживали, и та людская жестокость, которой они были пропитаны. Поговаривали, что Вера Карагозова приехала в Калину из областного города, где ее чуть не убили за связь с женатым биз-

несменом. Что группа женщин заманила ее за город и, словно копируя чудовищную по своей жестокости сцену избиения падшей женщины из фильма Торнаторе «Малена» с Моникой Беллуччи в главной роли, серьезно покалечила. И что, якобы придя в себя и не растерявшись, живучая и сильная Верочка подала на женщин в суд, но согласилась принять полмиллиона рублей от обидчиц взамен на то, что она заберет из полиции свое заявление. Говорили, что у нее был сломан нос и свернута челюсть, поломаны ребра и чуть не вытек глаз. Но ничего такого Владимир не замечал — Верочка была прелестна, никаких шрамов не наблюдалось, и вообще она казалась совершенно здоровой.

Он поднялся в ее квартиру, позвонил. Никто ему не ответил, не открыл. Но Верочка точно была дома — окна-то светились! Значит, она не одна? Надо было позвонить ей, тогда он хотя бы знал, можно к ней или нет. Вот что значит выпить лишнего — мозги совершенно не работают.

Владимир Иванович вдруг понял, что никуда-то он не денется до тех пор, пока Верочка не освободится, пока от нее не уйдет тот, кто занимает сейчас его, Владимира, место в ее постели. Будет сидеть на ступенях лестницы в ее подъезде и ждать. Но домой точно не пойдет. От одной мысли об этом ему становилось нехорошо. Он словно бы на мгновение уловил кисловатый лекарственный запах больной жены и поморщился.

Может, развестись с ней? Оставить ей эту квартиру, купить другую и начать новую жизнь? С Верочкой.

Время шло, возможно, он находился в подъезде больше получаса, и терпение его было на исходе. А что, если звонить в дверь до тех пор, пока она не откроет? Вот просто не выдержит, разозлится и распахнет дверь. Разве при таком шуме ее клиент захочет заниматься с ней тем, за чем и пришел к ней? Он тоже разозлится. Если женат, то вряд ли покажется, но скажет ей раздраженно, мол, иди, улаживай все, чтобы было тихо. И вообще, кто это пришел?

Но, несмотря на то что он звонил дерзко, вдавив кнопку звонка и не отпуская ее, на шум никто не вышел. И никто не произнес ни звука. И тогда Владимир Иванович машинально дернул за ручку, и дверь открылась. Вот это было вообще неожиданно.

— Вера? — Он просунул голову в слабо освещенную переднюю, где моментально обозначились на коврике аккуратно стоящие домашние тапочки Верочки, красные, с белым помпоном, и ее туфельки, серые, на шпильке. Квартира была освещена, свет лился из гостиной. Но тишина настораживала. Неужели Вера забыла запереть дверь (или ее гость просто не счел нужным это сделать, переступив порог квартиры) и теперь обнималась с ним в спальне, уверенная в том, что они в квартире одни?

— Вера? — Владимир Иванович позвал ее уже не так громко, ибо чувствовал себя неуверенно без хозяйки в чужой квартире. — Ты где?

В гостиной был накрыт стол на двоих. Два хрустальных бокала, бутылка коньяка, закуска, недоеденная еда на тарелках, подсохшая клубника на блюде, скомканные салфетки...

Прижавшись ухом к двери, ведущей в спальню, Владимир Иванович перестал дышать, прислушиваясь к тишине. Спят, что ли?

Не выдержав этой неопределенности и готовясь к самому худшему — открывшейся ему картине со сплетенными обнаженными телами, он осторожно приоткрыл дверь...

4. 15 мая 2022 г.

— Эмма Евгеньевна? Вы? Проходите, пожалуйста! Лена впустила женщину в дом.

— Леночка, привет! Я к тебе с хорошими вестями и предложением, от которого ты просто не сможешь отказаться.

Эмма Евгеньевна Атамас была личностью в маленьком провинциальном городке Калина легендарной. Богатая бездетная вдова, проживающая в доме, скорее напоминавшем дворец, окруженный садом-парком, последние десять лет она только и занималась тем, что помогала всем и каждому, кто бы ни обратился к ней за помощью. Все в Калине знали и понимали, что делает она свои добрые дела от чистого сердца, что именно отсутствие детей сделало ее такой и жизнь ее наполнилась смыслом только после того, как она занялась реальной благотворительной деятельностью. Нет, она не раздавала свои деньги налево и направо, она действовала масштабно и разумно, организовала, к примеру, выкупив старую, еще советских времен, столовую, горячие обеды беднякам, куда устроила на работу всех страждущих и безработных женщин,

научив их варить борщ и жарить котлеты. Арендовала на двадцать лет старый кинотеатр, переоборудовав его под общежитие для женщин — жертв домашнего насилия. Открыла бесплатные курсы швей-мотористок для девушек, которые потом неплохо устраивались в областном городе в частных ателье и модных салонах, и много чего другого, безусловно полезного для жителей города.

— Ой как у тебя хорошо! Чисто, свежо! — воскликнула она, оглядывая просторную, залитую утренним солнцем кухню с новой мебелью и голубой плиткой над плитой. — Это все мамин жених устроил? Помог?

— Да, он хороший, — вынуждена была согласиться Лена, десятиклассница, высокая стройная девушка с длинными стройными ногами и распущенными волосами, доходящими до талии. На Лене было домашнее желтое платье и смешные плюшевые тапочки в виде щенков.

— А чего же тогда так грустно говоришь? По маме скучаешь?

— Да конечно! Уехала, можно сказать, насовсем. Как тут не грустить? Хотя, с другой стороны, думаете, я не понимаю, что по-другому никак нельзя? Что у него там, на море, свой дом, хозяйство и что маме будет там хорошо. А главное, они любят друг друга. А я тут привыкну жить одна. Все-таки я уже взрослая. Может, вскоре замуж выйду.

— Замуж — это хорошо. Но для начала надо бы окончить школу, да? — Эмма Евгеньевна говорила это, глядя как-то мимо глаз Лены, словно поверх ее головы, словно рот ее говорил сам по себе, а голова

ее была занята своими мыслями. — Леночка, я тут решила организовать частный детский садик, документами сейчас занимаюсь, оформляю. Ты же знаешь старую пекарню в самом центре, здание заросло кустами шиповника, травой... Так вот, я пригласила специалистов, там все осмотрели, оценили и пришли к выводу, что здание еще крепкое, красного кирпича, там только крышу подправить да и внутри отремонтировать. Хотела предложить тебе поработать там штукатуром. Да-да, не смотри на меня своими большими глазами! Знаю, что ты не умеешь штукатурить, но Валентина Петровна, ты ее знаешь, научит вас, девчонок. Сегодня должны уже привезти материал, инструменты. Поработаешь лето? Экзаменов у тебя в этом году нет, вы, типа, отдыхаете, вот и поработай, я хорошо заплачу! Просто хочется, чтобы все были при деле и ни в чем не нуждались.

— Эмма Евгеньевна... У меня даже слов нет. Конечно, поработаю! Детский сад, частный, в нашей Калине! Сколько мамочек освободится!

— О чем и речь! И все на птицефабрику пойдут работать, там сейчас расширяются, нужны работницы, птичницы. Потом Кузнецов, фермер наш, знаешь, тоже расширился, построил еще один коровник, молока будет много, можно будет его перерабатывать, я кого-нибудь из наших женщин отправлю в Углич, в институт маслodelения и сыроделия, на курсы сыроваров. Хочу, чтобы и у нас тоже делали свои фирменные сыры, так и назовем их: «Калина». Короче, дел у меня невпроворот!

— Класс! Сколько в вас энергии! Завидую вам.

— Мне скоро шестьдесят, милочка. Это я должна тебе завидовать, что ты такая еще молодая, что у тебя все впереди! А я, пока, как ты говоришь, энергия есть, должна многое успеть сделать в этом мире. Детей нам с Ванечкой бог не дал, и кому я оставлю все нажитое нами, заработанное моим мужем? Не государству же? Вот и помогаю, как могу. К счастью, многие акции мои выросли в цене, да и другие источники имеются. Короче, надо работать и многое успеть! Хочу, чтобы о нашей Калине вся страна знала. Вот так. Значит, договорились? Пойдешь штукатуром?

— Пойду. Мне деньги нужны. Хочу шубку себе купить к зиме. Да и сапоги. А цены сейчас сами знаете какие.

— Главное — чтобы не было войны. А остальное — мы справимся. И с голоду уж точно не умрем. И поменьше на эту тему говорим, да? Все видим, переживаем, но без провокаций... Вы молодые, многое не понимаете, поэтому смотрите и слушайте только проверенные источники. Я уверена, что все скоро закончится и победа будет за нами...

— Эмма Евгеньевна, вы только делаете вид, что у нас все по-прежнему, что вроде как ничего и не изменилось, или тоже переживаете, как и я?

— Да сейчас все только об этом и думают. И все, просматривая сводки или слушая новости, крестятся, молятся, чтобы все поскорее закончилось. Всем страшно, Лена. Украина — больная тема. Никто не должен быть равнодушен. Но пока голова занята всеми этими размышлениями, пока душа плачет по

погибшим солдатам, руки должны делать что-то полезное. Понимаешь?

— Да, конечно.

— Тебе позвонят и назначат день и час, когда вас соберут. Ну все, я пошла. Нравится мне у вас. Такой большой и уютный дом, а уж про вашу шикарную веранду я вообще молчу! Представляю, как хорошо вечером посидеть под лампой с самоваром. Сказка!

Только за Эммой Евгеньевной закрылась дверь и Лена проследила, как она вышла со двора и пошла по улице, как слезы брызнули из глаз. Штукатурить! Да хоть улицы подметать, лишь бы только платили! Ей деньги сейчас ох как нужны. И на лекарства, и на то, чтобы выходить Игоря, поставить его на ноги.

Она посмотрела на часы — примерно через полчаса прибудет тетя Тоня, она звонила недавно, сказала, что они проехали мост, значит, совсем скоро Лена услышит звук подъезжающей машины, голоса... Тетя Тоня сказала, что едет не одна, с подругой, потому что ехать одна так далеко не решилась, а подруга «что надо, тебе понравится».

— Леночка, солнышко мое!

Вот это было настоящее счастье! Любимая тетя прикатила из Москвы, чтобы поддержать, обнять свою племянницу! Какая же она классная, родная, милая!

Невысокого роста, румяная, с шапкой кудрявых волос, Антонина, едва переступив порог дома, при-

нялась хозяйничать, носить сумки, пакеты, чемоданы. Подруга ее, рыжеволосая худенькая девушка в джинсах и пестрой блузке, по большей части молчала, вела себя скромно и словно старалась вообще не попадаться Лене на глаза. Словно ей было неудобно находиться в чужом доме, как если бы она напросилась сюда. Но, несмотря на то что Лена еще не успела перекинуться с ней и словом, она почувствовала исходящую от нее доброжелательность, возможно, дело было в ее чудесной улыбке.

— Вот, познакомьтесь, это моя племянница Лена, а это — моя близкая подруга Женя! Прошу любить и жаловать! — Антонина обняла обеих. — Девочки мои, как же хорошо, что я с вами, что могу хотя бы немного отдохнуть и расслабиться!

Лена, спохватившись, что за своими проблемами и переживаниями она подзабыла, что пришлось пережить тете, уже в который раз выразила ей свои соболезнования.

— Вы простите маму, что она не приехала. Она очень хотела...

— Я сама отпустила ее, я же все понимаю... Все нормально, не заморачивайся. Мама, боюсь, ее и не узнала бы.

— Она переживала, ей казалось, что...

— Лена, успокойся. Главное, что она нашла своего человека, что теперь счастлива. Жизнь продолжается. Сейчас немного отдохнем с дороги, выпьем чайку, если ты не возражаешь...

— Да у меня обед! Я гуся запекла. Надеюсь, вы не откажетесь, — постаралась взять себя в руки Лена,

хотя чувствовала приближение слез, силы ее просто таяли. И тут, словно помимо ее воли, она разрыдалась. Кинулась на грудь Антонине и просто зашлась в плаче.

— ...Мы любим друг друга, — рассказывала она уже позже, когда они втроем сидели на веранде и Антонина с Женей внимательно слушали рассказ Лены. — Понимаю, он наш учитель истории и намного старше меня, ему сейчас тридцать три. Но что делать, если и он полюбил меня, и я — его?!

— Ты беременна от него? — спросила Антонина.

— Нет, дело не в этом!

— А в чем же тогда? Ты так плачешь... Он тебя бросил или женат?

— Да нет же! Он свободен, он даже не был женат, и у него нет детей. Он красивый, просто умопомрачительно красивый мужчина, в него все наши девочки влюблены. Но он предпочел меня, и мы с ним обязательно поженимся!

— Вы с ним близки?

— Ну да... — покраснела Лена. — Но об этом, я полагаю, никто не знает. Во всяком случае, мы скрываем наши отношения и встречаемся только в одном старом доме на окраине города. Теть Тонь, вы знаете этот дом, там раньше жила бабка Ключева, помните? Мы все покупали у нее носки и свитера из овечьей шерсти. После того как она умерла, дом стоит пустой. Но там чисто и сухо. Короче, вот так...

— А слезы-то откуда? Матери боишься, что ли? Честно говоря, я уже устала что-то предполагать.

— Дело в том, что его три раза подряд хотели убить. И это просто счастье какое-то, что он выжил. Первый раз это было на весеннем балу, он выпил шампанского, как и все мы, и почувствовал себя плохо, упал, ему вызвали «Скорую»... Короче, его отравили. И кто поднес ему это шампанское, он не помнит. Может, кто-то из официанток. Потом, буквально через месяц после того, как он пришел в себя и вышел из больницы...

— Так он в больнице лежал? Так все серьезно?

— Ну да! — проговорила Лена уже сквозь слезы. — Так вот, потом его чуть не сбила машина! Вернее, она сбила его, но задела слегка, он просто упал и откатился... Дело было ночью, он как раз возвращался из нашего домика к себе. Мы договорились с ним там встретиться, но я не смогла выйти из дома. Меня вообще кто-то запер! Он согрел комнату масляным радиатором, их там три! Ждал меня, а я не пришла. Позвонила ему, объяснила, что у меня дверь заперта. Просто кто-то подпер дверь бревном! Игорь пришел, и это после того, как его сбила машина, отпер меня... Мы сразу поняли, что у нас появились враги. Думаю, кто-то из школы, может, учительница какая. Хотя у него никаких связей там ни с кем из учителей не было. Он недавно у нас, в прошлом году приехал в Калину.

— И где он сейчас?

— Да в больнице снова! Кто-то запустил в его дом змею! Есть такая ядовитая змея, бойга. Типа гадюки. Она забралась к нему в портфель для ноутбука, и когда он стал открывать, она выползла и укусила его за руку, и теперь он в больнице! Его рвало, у него

голова кружилась, я думала, что он умрет! А я здесь одна! Мама нет, никто о нас с ним не знает! Полная засада!

— Ты поэтому мне позвонила?

— Да. Мне страшно. Подумала, может, мы вместе вычислим, кто вот уже три раза покушался на Игоря?

— А он сам кого-нибудь подозревает?

— Да нет... Говорит, что если бы не случай с наездом машины, то он мог бы подозревать кого угодно из своих учениц. Дело в том, что ему время от времени посылают записочки с признаниями в любви, поджидают его возле дома, типа хотят попросить какую-то книгу, договориться о дополнительных занятиях.

— Вы список этих влюбленных девочек хотя бы составили? — это спросила уже Женя.

— Да, конечно! Я сама лично встречалась с девчонками, пыталась вывести их на откровенный разговор. Но как разговаривать, не выдавая себя? Стоит мне только произнести его имя, как начинается разговор совершенно другого толка, типа как бы его охмурить, как сделать, чтобы он обратил на нее внимание, вот все в таком духе, понимаете?

— Ты не боишься забеременеть? — все же спросила Антонина. — А что, если он не женится на тебе и ты останешься с ребенком на руках? Таких случаев знаешь сколько?

— Нет. Он заботится обо мне и говорит, что это исключено. Думаю, вы понимаете, о чем я... Уф... так тяжело говорить с вами, тетя Тонь, об этом.

— А я сейчас думаю о том, как же хорошо, что мы к тебе приехали. Ты тут, похоже, в настоящем аду живешь!

— Да не было бы никакого ада, у нас уже был план, Игорь собирался встретиться с кем-то из администрации, чтобы узнать, как начать оформление брака, с чего начать и все такое... Возможно, нам понадобилась бы справка о моей беременности, которой еще нет... Словом, все шло к тому, чтобы мы оформили наши отношения, чтобы зарегистрировали брак, как вдруг эта змея в портфеле!

— Ты что-нибудь знаешь о такой змее? — обратилась Антонина к Жене.

— Нет. Но можно узнать. Кстати, а как вообще выяснили, что это за змея? Ее поймали?

— Участковому, оказавшемуся настоящим храбрецом, удалось сфотографировать ее, после чего она сразу исчезла, уползла... Он быстро запер дверь, вызвал МЧС. Но змею не нашли. Возможно, она уползла из квартиры, пока дверь была открыта

— Да ваш участковый просто храбрец, герой! — поджав губы, проговорила Антонина.

Раздалась громкая музыка — ожил телефон Жени. «Моцарт», — подумала Лена.

Женя, извинившись, удалилась в соседнюю комнату.

— ...Я сейчас сильно занята, позже тебе перезвоню, — услышала Лена и посмотрела на Антонину.

— Это ее муж, звонит ей постоянно, переживает, — шепотом объяснила она. — Они молодожены.

— А... понятно. Счастливые. Не то что мы.

5. 15 мая 2022 г.

— Какая же она хорошенькая! — Это было первое, что сказала Женя, едва они остались в доме вдвоем с Антониной. Лена пошла в больницу навестить Игоря Сергеевича. — Неудивительно, что он влюбился в нее. Ну вот она пошла сейчас туда, разве не понимает, что наверняка весь город знает об их связи? Иначе как она объяснит свое появление в его палате? Что просто пришла к нему одна из его учениц?

Я думаю, что это уже от отчаяния. И ты права, я тоже думаю, что весь город наблюдает за этим романом. Не понимаю только одного. Вот я сама почему-то сначала подумала, что все эти так называемые покушения — дело рук одной из влюбленных в этого учителя истории учениц. Но почему мне это пришло в голову — не пойму. Вот если бы (не дай бог, конечно) вред пытались причинить Лене, тогда было бы логично. Но желать смерти или тяжелой болезни человеку, которого любишь, — это полный бред! Получается, что дело вообще не в любовной истории. Если ты не против, я могла бы развлечься тем, что попыталась бы выяснить все об этом Игоре Сергеевиче Лебедеве. Может, принесла бы пользу. Как ты считаешь?

— Ну а что ты можешь здесь сделать, ты, новый человек в городе?

— Устроюсь санитаркой в больницу, где он лежит. Только для начала выясню, как скоро его собираются выписывать.

— А что, можно. Но тогда тебе придется выполнять грязную работу...

— Ничего страшного. Днем буду мыть полы и носить судна, а вечером проводить время в вашей прекрасной компании, пить чай, есть пироги, которые ты напечешь! — рассмеялась Женя.

— Ну не знаю... Пироги напеку, не вопрос. Но мне будет как-то неудобно, если ты будешь мыть полы в больнице.

— Помнишь наше последнее дело? Там, чтобы избавиться от депрессии, молодая женщина, Ольга Корнетова, устроилась в клининговую компанию, чтобы прийти в себя.

— У нее проблемы были, от нее муж ушел. А у тебя-то все наоборот — твой супруг обожает тебя.

— От этого тоже можно устать. И эти его постоянные звонки и объяснения в любви меня изрядно утомили. Так не должно быть, Тоня. Чрезмерная опека, от которой я просто задыхаюсь, следствие какого-то болезненного чувства ко мне Бориса. Пусть побудет один, успокоится.

— Ты не любишь его?

— Конечно, люблю. Но не собираюсь даже ради него менять свою жизнь, привычки. Я же не требую от него каких-то радикальных перемен. Он занимается своим делом, занят по горло, у него ответственная работа. Так пусть и у меня будет немного своей личной жизни. Не в том плане, как принято считать, что личная жизнь — это любовные отношения людей, а так называемое личное пространство, где я могу хотя бы отчасти почувствовать себя свободной. Поэтому ты позвони Лене и спроси, когда этого историка собираются выписывать. И если у меня есть хотя бы

неделя, то я поеду в больницу, устроюсь туда санитаркой (уверена, меня возьмут, насколько мне известно, в больнице всегда требуется такого рода персонал) и понаблюдаю за нашим героем-любовником.

— Да... Возможно, только таким образом можно будет с ним как бы познакомиться поближе и поговорить. К тому же ты сможешь тогда увидеть тех, кто навещает его, оценишь его реакцию на тех, кто приходит к нему.

— Или того, кто попытается его снова отравить или удушить подушкой. Ну и дельце у нас вырисовывается! И все бы ничего, я стала уже привыкать к такого рода расследованиям, если бы дело не касалось близкого тебе человека.

— О чем и речь!

Выяснив от Лены, что Лебедева пока что не собираются выписывать, поскольку он еще слаб и долго будет лежать под капельницами, Женя вызвала такси, чтобы доехать до больницы.

— Меня не поймут, если я на своей новой шикарной машине приеду устраиваться санитаркой.

— Я могу поехать с тобой.

— Нет. Я просто отправлюсь на такси. А ты оставайся дома, дождись возвращения Лены и постарайся ее успокоить. А заодно выведай, на самом ли деле она не беременна. Насколько мне известно, от таких романтических отношений между школьницами и красивыми учителями рождаются детки. Признаться, мне эта история вообще не нравится. Да и Лебедева этого я уже заранее презираю за связь со школьницей.

— Да я и сама переживаю.

— Ладно. Разберемся.

Понятное дело, что никакой трудовой книжки у Жени при себе не было. Пришлось на ходу придумывать историю о том, что ей, попавшей в трудное положение, просто надо временно где-то подработать. Главврач, мужчина лет шестидесяти, с уставшим лицом и практически лысой яйцевидной головой, привыкший в силу своей деятельности на сложном медицинском трудовом фронте на многое закрывать глаза, с радостью, нелегально, принял ее на должность и отправил к сестре-хозяйке. Получив устные инструкции, серый фланелевый, жуткий в своей унылости халат и инвентарь, Женя отправилась осваивать территорию большой трехэтажной больницы.

Палату, где лежал учитель Лебедев, она нашла быстро, вошла, поздоровалась с больными, лежащими на кроватях (это были мужчины разного возраста, от одного вида которых хотелось заскулить от тоски), быстро определила кровать, на которой лежал подсоединенный трубкой к капельнице пациент с перебинтованной левой кистью, подошла к нему и задержалась, надеясь, что он, бледный и растрепанный, откроет глаза.

Судя по очертаниям тела под шерстяным одеялом, он был высокий. Худощавый. Но, надо признаться, даже в таком вот неприглядном больничном обличье красивый, чего уж там. В такого учителя невозможно не влюбиться. Женя задержала свой взгляд на его губах, представила себе, как он

целовал ими нежные губки Леночки. Так кому же это могло не понравиться? Быть может, тому, кто раньше претендовал на нее, на ее губы и на все остальное? Может, у нее был парень, которого она бросила, отдав предпочтение взрослому мужчине, а мальчик люто возненавидел Лебедева и поэтому решил ему отомстить? Как же она раньше не поинтересовалась этим вопросом?

— Вы не возражаете, если я помою у вас здесь, под кроватью? — спросила она тихо, чтобы не разбудить тех, кто, возможно, дремал.

Лебедев открыл глаза. С удивлением посмотрел на нее.

— Я вам не приснилась. Просто боялась вас потревожить. Знаете, я здесь сегодня первый день и мне постоянно кажется, что я всем мешаю, что всех бужу... Здесь, знаете ли, такое тихое царство...

— Надеюсь, в вашем ведре нет клубка змей? — мрачно попытался пошутить он, слегка улыбаясь.

— Почему в моем ведре должны быть змеи? — Она сделала удивленное лицо, отжала механическую швабру и принялась потихоньку водить шершавой полоской ткани под кроватью Лебедева.

— Да его же кто-то пытался отравить, — донеслось откуда-то от двери. Женя повернула голову и увидела на соседней кровати лежащего на боку старика с толстыми синюшными губами. Его седые всклокоченные волосы, казалось, сто лет не знали шампуня.

— Правда? Не верю... — И она принялась тихим голосом рассуждать на эту тему, вспоминая по ходу самые разные истории отравления. Так, бормоча

что-то про себя, она вымыла палату и, перед тем как уйти, снова подошла к кровати Лебедева.

— Вас как зовут-то?

— Игорь. — Он с трудом, казалось, разлепил губы.

— Может, вам судно подать или воды принести? Вы говорите. Просто я еще не совсем разобралась с кругом своих обязанностей.

— Воды, если можно. На тумбочке бутылка минералки и стакан.

Но помимо этой бутылки Женя увидела наверняка принесенные Леной баночку с бульоном, яблоки и бананы.

— Скажите, вы серьезно... я имею в виду отравление? И кто же вас хотел отравить? Жена?

— Нет. Я не женат. Понятия не имею кто. Сначала кто-то подсыпал мне яду в шампанское, это весной еще... Потом на меня наехала машина, я едва успел отскочить, дело было поздно вечером, когда совсем стемнело... Теперь вот запустили в портфель змею.

— Ничего себе! — присвистнула Женя и, словно забывшись, взяла металлический стул и придвинула к лебедевской кровати. — Какие страсти кипят здесь у вас, в вашей Малине!

— Калине.

— Ну да, конечно, Калине.

— А вы здесь что делаете?

— Не бойтесь меня, я не убийца и не собираюсь душить вас подушкой. Меня, знаете ли, тоже жизнь потрепала, от мужа вот сбежала, в чем была, как говорится. Устроилась временно сюда санитаркой. Главное, чтобы он меня не нашел.

— Кто? Муж?

— Ну конечно!

Он сделал пару глотков воды, поблагодарил кивком головы.

— А хотите, я помогу вам найти того, кто пытался вас убить?

— Гм... Интересно, и как это вы можете кого-то здесь найти, если сами здесь недавно и никого не знаете?

— Мое дело предложить. Просто мне надо чем-то заняться. Сейчас вот полы домою да и пойду домой, вернее, к одной бабке, у которой снимаю угол. И что мне там делать? Скукотища же! У меня ни ноутбука, ничего, кроме телефона, который успела прихватить с собой... Э-эй! Вы куда? Я же только что помыла! — крикнула она, забывшись, что вокруг больные, когда в палату ввалились две девчонки приблизительно такого же возраста, что и Лена. Джинсоногие, румяные, веселые.

— Игорь Сергеевич! — Они обе бросились к кровати своего учителя, как догадалась Женя, положили ему прямо на одеяло два растрепанных букета пионов, розовых и бордовых. И в палате сразу же стало как-то светлее, веселее, и пионовая сладкая душистость перебила крепкий больничный запах. — Как вы себя чувствуете? Кто вас отравил? Весь город гудит, все переживают за вас! Говорят, вас с кем-то перепутали, потому что ну не могли вы никому так крепко насолить, чтобы вам подкинули ядовитую змею...

Женя наблюдала эту сцену с каким-то даже восхищением — настолько девчонки были искренни в

своих чувствах, наивны и милы. И, конечно же, влюблены в своего красавца-учителя. Да там одно только лицо — от него глаз было не оторвать. А эти большие темные глаза, классический греческий профиль, губы, созданные для страстных поцелуев. Сколько девчечьих сердец было разбито одним только взглядом на это совершенство!

Женя, думая об этом, улыбнулась. Возможно, будь она девчонкой, тоже влюбилась бы в Игоря Сергеевича. Но только в его внешность, красоту. Сейчас, обладая некоторым житейским и любовным опытом, она влюбилась бы скорее в обладателя золотых мозгов (каким, к счастью, оказался ее муж, Борис Бронников), потому что внешность — это лишь оболочка и под ней подчас скрываются негодяи и подлецы, примеров тому великое множество.

Так, прислушиваясь к голосам, доносящимся из палаты, Женя принялась мыть коридор. Мысль, что лучше бы ей было представиться журналисткой, чем устроиться сюда уборщицей, чтобы расспросить хотя бы этих девчонок о Лебедеве, огорчала.

Однако она дождалась этих длинноногих школьниц на крыльце больницы, попросила сигаретку. Девчонки, достав из своих веселых разноцветных рюкзачков пачки легких женских сигарет, мгновенно стали ей ближе. Стало быть, и они сразу приняли ее за свою.

Зашли за угол здания, закурили.

— Красивый мужик этот ваш учитель, — сказала Женя. — Редкой красоты. И как это его еще не разорвали на части?

— Да его убить хотели!

— Представляете, змею в квартиру запустили, а она заползла к нему в портфель, он начал доставать ноутбук, она и вцепилась в него, укусила! То ли гадюка, то ли бойга... Короче, ядовитая змея.

— Да, прямо вот конкретная ядовитая гадина! Его еле спасли! В школе паника, все думают-гадают, кто бы это мог быть. Он же совсем не конфликтный...

— Да он душка! Так интересно все рассказывает, спокойный, вежливый такой.

— Женат? — на всякий случай спросила Женя.

— Нет. Говорят, что и не был женат. Скромный такой. Да только... — Тут одна осеклась и посмотрела на подружку. Та пожала плечами, мол, как хочешь, рассказывай или нет, твое дело. — У него роман с Ленкой Борисовой. Они встречаются. Вроде бы у них все серьезно. Понятное дело, что они скрываются, думают, что их никто не видит.

— По-моему, у обоих крышу от любви снесло. Они ничего и никого вокруг себя не замечают. Любовь — это же как вирус, зараза, болезнь. От таких чувств кровь может свернуться.

— Точно. Я согласна с тобой, что любовь — это болезнь, — согласилась с ней Женя, затягиваясь сигаретой. — Но она же как бы несовершеннолетняя. Лебедев ваш — взрослый мужик, он не может не понимать, чем это для него чревато.

— Вот если бы мать Ленки не укатила в Сочи или куда там, она же мужчину встретила и типа выходит за него замуж, ничего такого бы и не случилось. Ей бы давно уже позвонили и доложили. А так, гово-

рят, она сменила номер телефона, и теперь до нее не дозвониться. А Ленка и пустилась во все тяжкие. Думаю, она беременна.

— Так кто же мог отравить вашего учителя?

— Никто не знает. Если бы у него была связь с кем-то еще, если бы от него забеременела какая-нибудь учительница, к примеру, можно было бы заподозрить ее или кого-то из ее родственников. Но он — кристально чистый, понимаете! И, если бы не этот роман с Ленкой, я бы вообще записала его в монахи. Вот так.

Ветерок играл длинными волосами девчонок, одна была натуральная блондинка, другая — шатенка. Такие юные, красивые, с чудесной нежной кожей. Сколько еще всего им предстоит пережить, сколько испытаний и разочарований выпадет на их пока еще беззаботные светлые головы! Это сейчас у них взгляд горит, суждения резкие, категоричные и наивные, а сколько нерастраченной романтики в сердце! Потом все это исчезнет, взгляд потухнет, волосы потускнеют от частых перекрашиваний, кожа испортится от курения и нервов, и превратятся девочки в несчастных одиноких брошенок...

Женя замотала головой. Откуда вдруг эти мысли? Что за бред вообще?!

— Может, он живет не один, а, скажем, с каким-нибудь коллегой в квартире? И это того, другого, должны были отравить? — не унималась она, рискуя навлечь на себя подозрение таким чрезмерным вниманием к персоне учителя. Что, собственно говоря, и случилось в следующую минуту.

— А почему вы так заинтересовались этим делом? — сощуриив глаза, спросила одна из школьниц.

— Да я рассказ собираюсь написать, а если получится, то замахнусь и на роман. Нет, про учителя вашего я ничего не знала, просто устроилась сюда санитаркой, чтобы получше изучить больницу, потому что буду писать детектив, где действие будет развиваться именно в больнице...

Писательство — беспроектный и достаточно красивый вариант для мошенников. Девочки мгновенно прониклись к Жене.

— Класс... Я бы тоже писателем хотела стать. Сидишь себе дома, чаек попиваешь, время от времени напишешь пару строк, да и все! Ни тебе начальства, никого над тобой нет. Пиши что хочешь. Рано вставать опять же не надо. Куда-то ехать, мчаться — тоже не надо. Сидишь себе в комфорте, сочиняешь какую-нибудь историю, а тебе за это еще и деньги платят! Шикарная профессия!

— А ты пробовала когда-нибудь хотя бы пару строк своих написать? Я не имею в виду сочинения, которые мы все скатываем из интернета, а вот конкретно свое, личное записать? Да хотя бы свои чувства? Или природу описать? Березки там разные?

Одна из девчонок задрала голову и сощурилась от ярких солнечных лучей, дробящихся в ярко-зеленой кроне гигантской березы, украшающей больничный двор.

— Представляете, мою я полы, собираю материал для будущего романа, и тут вдруг такое везение —

в одной из палат лежит учитель, которого пытались отравить! Это же криминал чистой воды!

— Ну, может, для кого-то и везение, — усмехнулась тайная воздыхательница красавца Лебедева, — а для кого-то трагедия.

— Ох, да, извините, пожалуйста! Не хотела затрагивать ваши чувства. Можно еще один вопрос?

— Валяйте!

— А у этой девочки, Лены, не было, случайно, кавалера, который мог бы... сами понимаете что сделать?

— Да вроде нет... Вон смотрите, видите, мужчина идет? Ну. С папкой под мышкой? Это следователь Петров. Он как раз и занимается делом Игоря Сергеевича. Вот вам бы с ним подружиться, тогда не один роман напишете...

И девчонки захихикали.

6. 15 мая 2022 г.

— Мы уж думали, что ты не придешь.

— Запыхалась...

— Эмма, ты опоздала на полчаса, это на тебя не похоже.

В краеведческом музее города Калина, в уютном просторном кабинете, одну стену которого занимало огромное овальное панорамное окно, за которым зеленел старый заросший городской сад, собрались женщины-кукольницы.

Душой этого клуба (как они про себя называли это небольшое сообщество единомышленников-мастериц) была Тамара Ивановна Ковтун. И, несмотря на то что в городе за ней закрепились слава главной сплетницы, она была хорошим организатором выставок, стала настоящим менеджером. Пробивная, владеющая компьютером и своя в соцсетях, умеющая ладить с людьми, она с удивительной ловкостью находила покупателей, коллекционеров, которые приобретали кукол и приносили мастерицам неплохой доход. Помимо этого она организовывала развлекательные туристические туры для своих подружек и каждый раз удивляла своей способностью находить интересные места, умудряясь при этом заказывать самые дешевые билеты или экскурсии. Было у нее другое чудесное качество — Тамара была честной, справедливой и, безусловно, ответственной. Словом, на нее можно было всегда и во всем положиться.

Крепко сбитая крашеная блондинка с аккуратной стрижкой, волосы свои она постоянно подкручивала в пышные кудри, косметикой пользовалась в меру, но губы красила в радикальный алый цвет. Одежду предпочитала строгую, носила жакеты, в ее гардеробе имелось немыслимое количество брючных костюмов, преимущественно красного цвета. Муж был ее тенью, помощником, тихим и скромным человеком, преподавал в филиале педагогического института физику. Тамара — единственный член клуба, который не сделал ни одной куклы.

Эмма Атамас помимо бурной общественной, в особенности благотворительной деятельности, насколько хватало времени, шила либо большие, в человеческий рост, мягкие текстильные куклы, либо маленькие, однако лишенные всякого изыска, грубоватые «чайные бабы», которые хозяйки нахлобучивают на заварочные чайники для сохранения тепла.

Зоя Тронникова, полная изыска длинноволосая красавица лет сорока, напротив, была женщиной необщительной, тихой, любила длинные оригинальные балахоны в стиле бохо, носила сделанные на заказ украшения из полудрагоценных камней, просто увешивала свою шею в несколько рядов многочисленными ожерельями и бусами, обожала странные и очень тяжелые кулоны на кожаной тесьме, без шалей вообще не выходила из дома, говорили, что у нее их под пятьдесят штук. Она была самой талантливой кукольницей, ее работы всегда отличались большой оригинальностью, необычностью и даже эпатажностью. Очаровательные милашки-прачки в кружевных панталончиках на пышных попках, выглядывающих из-под льняных ярких юбок, трактирщицы в декольтированных нарядах, изящные барышни в шелковых открытых платьицах, балерины в нежнейших пачках, знатные дамы в расстегнутых корсетах, устроившиеся перед туалетным столиком... Никто не понимал, как ей удастся вылепить из полимерной глины невероятно натуралистичные головы и, главное, как получается придать им неповторимость и очарование, не говоря уже о характере рождающейся прямо на глазах

куклы. Все свое свободное время Зоя проводила в мастерской (это была пристройка к основному дому, утепленная, застекленная и очень удобная для работы), и когда музей был закрыт, члены кукольного клуба, как они себя называли, собирались именно у Зои. Детей у нее не было, что являлось драмой всей ее жизни. Зато был прекрасный и любящий муж, всегда и во всем поддерживающий свою талантливую жену.

Ольга Курасова, всегда растрепанная и нелепо одетая женщина неопределенного возраста, слыла торопыгой. Она все делала быстро. Кукол своих лепила и одевала со страшной скоростью, словно за ней кто-то гнался или же собирался отнять у нее драгоценный материал или инструмент. И хотя многие ее куклы были сделаны наспех, в каком-то творческом порыве, их отличала такая милая небрежность, что это воспринималось как должное: разве могут быть тщательно причесаны и прилизаны лесные нимфы или симпатяги-лешие? Поговаривали, что большую часть своего времени она проводит на кухне — Ольга пекла пироги на заказ. Была не замужем, но особенно от этого не страдала. Больше того, считала, что мужчины по большей части являются помехой и доставляют женщинам множество хлопот и проблем. Как большие дети.

Фаина Осина — лесной человек, полевой и луговой. Травница. В ее большом и уютном доме всегда пахнет сушеными травами. Помимо того что она каждое воскресенье продавала на рынке целебные травы

и настои, она еще научилась делать роскошные букеты из полевых сухоцветов. Настоящие произведения искусства, которые мастерица дорого продавала на «Ярмарке мастеров» наряду со своими оригинальными куклами, отличавшимися от работ ее подруг тем, что наряды всех этих смешных и милых девчушек с нежными гладкими розовыми личиками из полимерной глины были щедро украшены шелковыми цветами, удивительно похожими на настоящие.

Фаина всегда была редкой, патологической чистюлей. Говорят, что именно по этой причине она так и не вышла замуж и всю жизнь прожила одна. Однако характером обладала золотым, как человек неконфликтный, открытый, остро чувствовала несправедливость и, как и Эмма Атамас, по мере своих сил и возможностей помогала людям.

С Эммой их сегодня собралось четверо, Фаины не было. Тамара на правах хозяйки (а она всегда и везде чувствовала себя таковой) накрыла на стол, расставила чашки, выложила на блюдо аппетитный пирог, принесенный Ольгой.

— В пять утра встала. Но, если бы и в четыре или даже не ложилась вовсе, все равно бы опоздала — сами знаете, всегда нахожу себе работу, — улыbnулась устало Эмма, усаживаясь за стол. — Я сегодня с пустыми руками. Хотела же купить конфет, да забыла. Закружилась. Была в городе, купила эти огромные и тяжелые мешки со смесями для штукатурки... Если бы мои строители сами поехали в магазин, выбрали бы самое дорогое и бестолковое. А так я все изучила по интернету, проконсультировалась с одним моим

знакомым, и он подсказал, какую марку мне покупать и где, еще и скидочную карту свою дал. Вот только с расчетами сложновато. Ну не могу я все знать и уметь!

— Эмма, я восхищаюсь тобой! — Зоя бросила на нее нежный взгляд. — Ты такая трудяжка! Представляю себе, как обрадуются наши женщины, которые смогут отдать своих детишек в этот детский сад и пойти на работу. От мужиков-то все равно никакого толку. А Василиса? Как хорошо, что ты уговорила ее возглавить этот садик! Она же так любит детей. И умная, и все в руках горит. Думаю, она без труда соберет женщин-воспитателей, пригласит врача хотя бы на полставки. И получится замечательный частный детский садик.

— Если бы вы только знали, чего мне это стоило! Я имею в виду оформление, разрешение... Да и денег немерено ушло на ремонт, покупку всего необходимого. Зато в игровой комнате у нас будет огромный шерстяной ковер, вчера привезли, лежит пока у меня дома. Не ковер — сказка! Надо будет еще цветы комнатные купить, съездить в питомник, лимонарий. Знаете, мне иногда кажется, что я могла бы стать мэром этого города, честное слово! Мне так нравится всем этим заниматься! — Она буквально захлебывалась в своих эмоциях.

— Ты знаешь, я от рождения начальница, — подала голос Тамара, с трудом скрывая усмешку, поскольку время от времени чувствовала, что теряет свое лидерство на фоне богатой и предприимчивой Эммы. — Но вот мэром бы не хотела быть, даже если

бы меня очень попросили. Ты же, Эммочка, просто не представляешь себе, насколько это сложно, и, главное, у тебя совершенно не останется времени на себя, на свою жизнь, увлечения, вообще ни на что. Станешь целыми днями подписывать документы, встречаться с людьми, проводить собрания, и голова твоя будет забита городскими проблемами.

— Соглашусь с тобой на все сто, — неожиданно согласилась с ней Эмма. — Так я свободна и сама принимаю решения, трачу свои деньги или же собираю средства на то, что считаю важным именно сейчас. Нахожу спонсоров, общаюсь с людьми и знаю их проблемы, сами знаете. А если бы была мэром, то неизвестно еще, позволили бы мне действовать по своему усмотрению или нет. Поэтому, Томочка, уж лучше ты будь мэром, если вдруг захочешь.

— Нет, не захочу. Ну что, девочки, режу пирог. Олечка, какое тесто! Прямо живое! Что за начинка?

— Зеленый лук с яйцами, — сказала, очнувшись от своих раздумий, Ольга. Она так устала, что сидела сейчас с отрешенным видом, спрашивая себя, зачем вообще пришла сюда, могла бы остаться дома и выспаться. Всю ночь пекла пироги на юбилей заказчице.

— Что же мы, Фаю не подождем? — спросила Эмма, наблюдая за тем, как Тамара аккуратно острым ножом нарезает ровные куски пирога. — Куда она делась-то?

— Не знаю, — откликнулась Ольга.

— Я тоже не видела ее сегодня, — сказала Зоя. — С самого утра занималась розами, отливала их фитоспорином, чтобы черной пятнистости не было. Вы

же помните, как у меня розовая клумба в прошлом году осыпалась, все листочки были в черных пятнах... Бедные розочки! Я у них даже прощения просила! Фая... Давайте я позвоню ей и спрошу, придет она сегодня или нет. Какие проблемы-то?

И она позвонила. Держа телефон одной рукой, другой она насыпала сахар в чашку с чаем. Лицо ее выражало умиротворение и даже счастье. На прошлой неделе ей удалось продать одну из своих самых любимых кукол — «горничную» в клетчатом зеленом платье и черном шелковом капоре. Корсет «горничной» был слегка расшнурован, и пышную розовую грудь ее украшало тонкое кружево. Позвонил какой-то коллекционер и заплатил за нее целых восемьдесят тысяч рублей! Объявление о продаже ее кукол он нашел на самом бойком сайте с городскими объявлениями. И вот теперь, находясь все еще под впечатлением от удачной сделки, Зоя мечтала, что сможет позволить себе купить, какие мечты исполнить, какие еще розы закажет в питомнике. Пока что она запланировала розу «Мадам Энизетт»...

— Кто это? — вдруг услышала она мужской голос.

— В смысле? — Она даже растерялась. — Вообще-то я звоню своей подруге Фае. А вы кто?

— Следователь Следственного комитета Петров. У меня для вас печальное известие...

— Фая? Что с ней?

Все находящиеся за столом женщины замерли, уставившись на Зою. Кто-то очень громко звякнул чашкой о блюдце.